

DOI: 10.31857/S086919080016633-3

РОССИЯ – МОНГОЛИЯ – КИТАЙ:
ИСТОРИЧЕСКИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

© 2021

С.Г. ЛУЗЯНИН ^а

^а – Национально-исследовательский университет «Высшая Школа Экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Россия; ORCID: 0000-0001-9578-6023; eLibrarySPIN-код: 2864-9951, luzyanin.sergey@mail.ru

Резюме: История расширения «русской Азии» в XVII–XIX вв. связана с формированием трансграничного пространства, вобравшего миграционные потоки и энергетику российской (православной), монгольской (буддийско-кочевой) и китайской (даосско-конфуцианской) цивилизаций. Русские ментально и политически воспринимались монгольской элитой как спасители, а Российская империя – как реальный противовес китайской угрозе поглощения. В XIX – начале XX вв. Монголия, пройдя фазу кратковременного возрождения буддийской монархии Богдо-гэгэна (1911–1919), гражданской войны и установления патерналистских отношений Советской России с монгольскими революционерами, в 1924 г. превратилась в Монгольскую Народную Республику, находившуюся под формальным сюзеренитетом Китая. Международно-правовые «нестыковки» статуса МНР были ликвидированы решениями Ялтинской конференции союзников (февраль 1945 г.), монгольским референдумом с последующим признанием его результатов Чан Кайши в 1946 г. Треугольник «СССР – МНР – Китай» приобрел законченную форму с полным международно-правовым оформлением.

Постсоветские очертания во многом определялись подписанием в 1993 г. российско-монгольского и в 1994 г. монголо-китайского Договоров о дружбе и сотрудничестве, появлением «третьего соседа» – США, Японии, Южной Кореи и др., усилением Китая на торговых и инвестиционных площадках, а также экономическим ослаблением России в Монголии. Запуск китайской инициативы «Один Пояс» обусловил создание в 2016 г. российско-монголо-китайского «коридора», включая транспортную и энергетическую (углеводородную) составляющие. Подписание в 2019 г. российско-монгольского Договора о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнерстве политически укрепило российско-монгольский вектор, усилив общую стратегическую основу треугольника. Монгольский участок в плане увеличения экономической доли Китая и его влияния в целом, остается «слабым звеном» трехсторонней структуры.

В статье анализируются исторические и современные реалии взаимодействий трех государств, российский и китайский компоненты, их политические и финансово-экономические измерения, сильные и слабые стороны двусторонних отношений в треугольнике.

Ключевые слова: Россия, Монголия, Китай, цивилизации, геополитика.

Для цитирования: Лузянин С.Г. Россия – Монголия – Китай: исторические и современные трансформации. *Восток (Oriens)*. 2021. № 5. С. 141–152. DOI: 10.31857/S086919080016633-3

RUSSIA – MONGOLIA – CHINA:
HISTORICAL AND MODERN TRANSFORMATIONS

© 2021

Sergey G. LUZYANIN ^a

^a – National Research University
«Higher School of Economics» (NRU HSE), Moscow, Russia;
ORCID: 0000-0001-9578-6023; eLibrary SPIN: 2864-9951,
luzyanin.sergey@mail.ru

Abstract: *The history of the expansion of “Russian Asia” in the 17th – 19th centuries is associated with the formation of a transboundary space that has absorbed migration flows and energy of Russian (Orthodox), Mongolian (Buddhist-nomadic) and Chinese (Taoist-Confucian) civilizations. The Russians were mentally and politically perceived by the Mongol elite as saviors. In the 19th–early 20th centuries Mongolia, turned into the Mongolian People’s Republic, which was under the formal suzerainty of China. International legal “inconsistencies” in the status of the MPR were eliminated by the decisions of the Yalta Conference of the Allies (February 1945), the Mongolian referendum followed by the recognition of its results by Chiang Kai-shek in 1946. The triangle “USSR – MPR – China” acquired a complete form with full international legal registration.*

The post-Soviet outlines were largely determined by the signing in 1993 of the Russian-Mongolian and in 1994 the Mongolian-Chinese Treaties of Friendship and Cooperation, the emergence of a “third neighbor”, the strengthening of China on trade and investment platforms. The signing in 2019 of the Russian-Mongolian Treaty on Friendly Relations and Comprehensive Strategic Partnership has politically strengthened the Russian-Mongolian vector, strengthening the overall strategic foundation of the triangle. The Mongolian sector, in terms of increasing China’s economic share and its influence in general, remains the “weak link” of the tripartite structure.

The article analyzes the historical and modern realities of the interactions of the three states, the Russian and Chinese components, their political, financial and economic dimensions, the strengths and weaknesses of bilateral relations in the triangle.

Keywords: Russia, Mongolia, China, civilizations, geopolitics.

For citation: Luzyanin S.G. Russia – Mongolia – China: Historical and Contemporary Transformations. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 5. Pp. 141–152. DOI: 10.31857/S086919080016633-3

ВВЕДЕНИЕ. МЕТОДОЛОГИЯ И ГИПОТЕЗЫ

Актуальность заявленной темы, с одной стороны, связана со 100-летним юбилеем официальных российско-монгольских отношений, установленных Советской Россией с монгольскими революционерами в Москве 5 ноября 1921 г., а с другой, – со сложными и противоречивыми современными политическими, торгово-экономическими и гуманитарными реалиями в системе «Россия – Монголия – Китай».

Методологически при анализе проблемы «треугольника» просматривается два концептуальных подхода. Во-первых, базовый историко-цивилизационный, связанный с взаимодействием монгольской (буддийско-кочевой), китайской (конфуцианской), российской (православной) цивилизаций, включая широкое понятие «монгольского мира», его рас-

ширение и сжатие. Разработанная в российском монголоведении концепция монгольской цивилизации и ее места в современных реалиях [Железняков, 2016], позволяет более точно определить цивилизационные российско-монголо-китайские «стыки», их специфику и перспективы существования.

Во-вторых, это «геополитический подход», сформировавшийся в рамках западной теории «монгольского сателлизма», как в жестком [Rupen, 1964], так и в мягком [Lattimore, 1962] ее вариантах в биполярную эпоху, дополненной российскими исследованиями [Гольман, 2001]. Основной посыл большей части западных монголоведов не изменился и сегодня. Он сводится к определяющей внешней детерминанте – эффекту геополитической «зажатости» Монголии от «характера китайско-российских отношений» [Campi, 2004, p. 268–287]. Однако этот подход жестко фиксирован только на российско-китайском факторе и не оставляет места для анализа влияния других страновых («третьего соседа» – США, ЕС, Японии и др.), региональных и глобальных процессов, включая глобализацию.

В рамках этих двух подходов видны сильные и слабые стороны складывавшейся более 400 лет российско-монголо-китайской структуры взаимовлияний, поглощений и конфликтов. В настоящее время особый интерес представляют сложившиеся в 1990-е гг. механизмы взаимодействия трех государств, их эволюция и развитие в 2000-е гг. Основной исследовательский интерес в данной статье сконцентрирован на анализе ключевых «внутренних» процессов в треугольнике, выявлении доминирующих тенденций на перспективу. Можно ли говорить сегодня, что он остается внутренне стабильным и равновеликим, либо речь идет о его системной деформации за счет усиления одного государства?

ИСТОРИЯ РАСШИРЕНИЯ «РУССКОЙ АЗИИ». КИТАЙСКО-МОНГОЛЬСКИЕ СЕГМЕНТЫ В XVII–XX вв.

Во многом история расширения «русской Азии» в XVII–XIX вв. связана с историей формирования границ, которые отделяли российские сибирско-дальневосточные территории от восточноазиатских государств. Речь шла, с одной стороны, об установлении официальных демаркационных линий, а с другой, о формировании широкого трансграничного пространства, вобравшего миграционные потоки и энергетику монгольской (буддийско-кочевой), китайской (даосско-конфуцианской) и других цивилизаций.

Формирование сибирско-монгольского участка Евразии на российско-монгольских рубежах было длительным и противоречивым. Казаки на традиционном русском кураже, войдя в контакт с монгольскими ханами Западной и Северной (Халха) Монголии в XVII в., положили начало созданию огромной зоны российско-монгольского буферного (от Китая) пространства.

Экономический и цивилизационный феномен его заполнения совпал со сменой кода монгольской цивилизации, которая при сохранении кочевой основы, за 200–300 лет из агрессивной, имперско-чингисхановской превратилась в буддийско-ламаистскую. Жестокий воин-захватчик уступил место мирному ламе, бредущему по степи и перебирающему четки. Эта «духовная революция» совпала с китайским административным поглощением Монголии, формально превратившейся в часть Поднебесной. При этом русские, идущие с Севера, ментально и политически воспринимались монгольской духовной и княжеской элитой как спасители, а Российская империя – как реальный противовес китайской угрозе поглощения.

В XIX – начале XX вв. Внешняя (Халха) Монголия, пройдя фазу кратковременного возрождения ламаистской монархии Богдо-гэгэна (1911–1919), гражданской войны и установления патерналистских отношений Советской России с молодыми монгольскими

революционерами, в 1924 г. превратилась в Монгольскую Народную Республику, развивавшуюся в достаточно специфической международной среде, внутренние и внешние контуры которой определялись тремя моментами:

1. МНР формально (де-юре), согласно ст. 5 Советско-китайского договора 1924 г., была частью Китайской Республики, но де-факто оставалась под сильным экономическим, идеологическим и политическим влиянием СССР.

2. Приоритеты советской политики по отношению к МНР до поражения Коминтерна в китайской революции 1925–1927 гг., определялись ценностью китайского революционного движения, которое, как полагали тогда в Москве, может перерасти в революцию мировую. После поражения китайской революции отношения СССР и МНР сконцентрировались исключительно на углублении двусторонней советско-монгольской модели.

3. Усиление угрозы со стороны милитаристской Японии в начале 1930-х гг. еще больше сблизило Улан-Батор и Москву, сформировав советско-монгольскую военную «ось» в 1936 г. (Протокол о взаимопомощи 1936 г.), которая доказала свою эффективность в конфликте с Японией на р. Халхин-гол в 1939 г.

Международно-правовые «нестыковки» статуса МНР были окончательно ликвидированы решениями Ялтинской конференции союзников (февраль 1945 г.), итогами советско-китайских переговоров в Москве в 1945 г. и монгольским референдумом с последующим признанием его результатов Чан Кайши в 1946 г. Треугольник «СССР – МНР – Китай» приобрел законченную на тот период форму с полным международно-правовым оформлением монгольского статуса [Лузянин, 2003].

В 1949 г. победившая в Китае Китайская Коммунистическая партия во главе с Мао Цзэдуном приняла, хотя и не безоговорочно, сложившиеся границы разделения в «треугольнике», включая официальный статус МНР. 4 февраля 1949 г. в беседе советского министра внешней торговли А.И. Микояна с будущим китайским руководителем КНР Мао Цзэдуном последний зондировал возможность включения Внешней Монголии (МНР) в состав китайского государства, когда у власти будут китайские коммунисты. На что получил категорический отказ с пояснением, что «китайское государство, так же, как и советское государство, признало независимость Внешней Монголии... и вряд ли (Монголия) добровольно от независимости откажется» [Телеграмма, 1949].

После 1949 г. китайское руководство периодически поднимало «монгольский вопрос» в форме отдельных эмоциональных высказываний председателя Мао. Однако это не повлияло на реальное изменение сложившегося политико-демаркационного статус-кво между СССР, МНР и КНР. Нормализация советско-китайских отношений в конце 1980-х – начале 1990-х гг., включая вывод советских войск из Монголии, восстановили баланс и стабильность отношений в трехсторонней структуре. Однако распад СССР и монгольская демократическая революция вновь создали условия политической неопределенности взаимоотношений трех государств.

РОССИЯ, МОНГОЛИЯ И КИТАЙ ДО ЭПОХИ «ПОЯСОВ И ПУТЕЙ» (1991 – 2013)

Постсоветские очертания треугольника появились в 1993 и 1994 гг. после подписания соответственно российско-монгольского и китайско-монгольского Договоров о дружбе и сотрудничестве. Договор «О дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Монголией» от 20 января 1993 г. с Россией имел для Монголии ряд особенностей, характерных в целом для той эпохи «десоветизации» и отхода Улан-Батора от союзнических отношений с Москвой. Он снизил уровень взаимодействия с союзнического [Договор, 1966] до отношений «дружественных государств» (ст. 1) [Договор,

1993, с. 19]. В апреле 1994 г. в Улан-Баторе был подписан договор «О дружественных отношениях и о сотрудничестве между Монголией и Китайской Народной Республикой», который стал базовым уже в монголо-китайских двусторонних отношениях.

Позитивным было то, что китайская сторона подтверждала независимость МНР, в то время как в договоре МНР и КНР «О дружбе и взаимной помощи» 1960 г. этот термин отсутствовал. С другой стороны, в монголо-китайском договоре отсутствовал прописанный механизм решения спорных вопросов и положение о неприкосновенности границ. Аналогичный российско-монгольский документ 1993 г. предусматривал разрешение этих чувствительных для монголов вопросов [Родионов, 2009, с. 162].

Особенностью трехсторонних отношений в этот период было их развитие вне китайской мегаинициативы Один пояс и один путь, запущенной в 2013 г. Российско-монгольский и монголо-китайский двусторонние треки развивались тогда в рамках трех ключевых процессов:

- Радикального обновления концепций внешней политики и безопасности Монголии (де-юре и де-факто), включая появление «третьего соседа» – приоритетного, после традиционных России и Китая, партнера (США, Японии, ЕС, Южной Кореи и др.).
- Ухода России из Монголии в начале 1990-х и постепенного возвращения ее в 2000-е гг.
- Апробации Китаем стратегии выдавливания конкурентов с монгольского рынка и формирования своей доминирующей экономической роли.

По оценкам экспертов переломным для Китая стал 1999 год, когда он впервые опередил Россию в объемах внешней торговли с Монголией. На рынке прямых иностранных инвестиций (ПИИ) Китай начал «атаку» в горнодобывающий сектор, ставший ключевым драйвером экономического роста республики. Однако, КНР пока отставала от конкурентов. 80% ПИИ в 2011–2012 гг. составляли инвестиции австралийско-британского ТНК «Rio Tinto» в освоении крупнейшего в мире месторождения меди «Оюу – Толгой» [Макаров, Макарова, Андреев, 2020, с. 85].

Торговое наполнение треугольника «Россия – Монголия – Китай», по монгольским данным, происходило за счет роста российской и китайской долей, но с разными темпами. Монгольский экспорт в Россию с 27 млн долл. в 2005 г. возрос до 77 млн долл. в 2014 г. Соответственно в эти же годы в Китай – с 513 млн долл. до 5073 млн долл. Монгольский импорт из России – с 408 млн долл. (2005 г.) до 1549 млн долл. (2014 г.) и из Китая – с 303 млн долл. (2005 г.) до 1768 млн долл. (2014 г.) [Даваасүх, Цэнддорж, 2019].

Товарная структура монгольского экспорта в Китай состояла в основном из сырьевых товаров и продукции животноводства. 95% приходилось на уголь, медный концентрат, золото, серебро, уран, молибденовые руды. Импортировала Монголия из КНР продукцию обрабатывающей промышленности и машиностроения [Ли, 2020, с. 6]. Структура российского импорта в Монголию отличалась от китайского. Основу (66,3%) составляют минеральное топливо (нефть и нефтепродукты), а также машины и оборудование (9,3%), продовольственные товары (9,2%) [Шурубович, Пылин, 2021, с. 180].

Инвестиционное наполнение треугольника также было ориентировано на китайский «угол». Объем прямых китайских инвестиций с 2003 до 2011 гг. вырос в 27,5 раз и оценивался в 2,9 млрд долл. 68% китайских ПИИ шли в горнодобывающие сектора [Ли, 2020, с. 6]. Общий объем ПИИ составлял в 2011 г. 4,9 млрд долл. В 2012–2013 гг. происходил дальнейший рост китайских инвестиций примерно по 320–350 млн долл. в год.

В этих условиях монгольское руководство, начиная с 2012–2013 гг., предпринимает усилия по регулированию инвестиционного потока за счет поощрения деятельности ком-

паний из Северной Америки, Европы и Японии, которые стали рассматриваться в качестве приоритетных инвесторов. Для них создавались правовые и административно-бюрократические «зеленые коридоры» для входа в стратегические проекты. Попытки же таких китайских компаний, как China Aluminium Company, China Shenhua Energy, Petro China и др. ограничивались или пресекались [Макаров, Макарова, Андреев, 2020, с. 86].

Китайский исследователь Ван Вэйян, анализируя борьбу китайских компаний за «Таван – Толгой»¹ и «Оую – Толгой», отмечает, что несмотря на то, что компания China Shenhua Energy дважды выигрывала тендер в 2011 и 2014 гг., монгольское правительство пересматривало результаты, создавая «дискриминационные условия для Китая». Подобные явления эксперт объясняет массовым «антикитайским сознанием большинства монгольского населения» и его правящих элит [Ван Вэйян, 2017].

В отличие от Китая, Россия после 1991 г. не сталкивалась с массовыми антироссийскими настроениями. В отличие от стран Восточной Европы и Прибалтики, Монголия это – единственное постсоциалистическое государство, в котором полностью отсутствует русофобия как общественно-политическое явление. Другой положительный фактор – наличие трех крупных совместных с Монголией проектов, оставшихся от советского наследия – ОАО ГОК «Эрдэнэт» (49% и 51% соответственно российская и монгольская доли), «Монголросцветмет» (49% и 51%) и ОАО «Улан-Баторская железная дорога» (50% и 50%), а также 768 мелких и средних предприятиях с российским участием [Грайворонский, 2014].

Для российского бизнеса основной фронт инвестиционной борьбы также разворачивался на угольном, медно-молибденовом и урановом направлениях. Борьба шла с переменным успехом, в 2008–2009 гг. был сформирован серьезный пул из капитанов крупного российского бизнеса, в составе компаний «Ренова», «Норникель», «Базовый Элемент», «Интеррос» для борьбы за «Таван – Толгой» и другие проекты. В 2009 г. было подписано соглашение о создании российско-монгольской компании «Дорнод уран» для разведки, добычи и переработки урановых месторождений в Восточной Монголии.

Однако окончательной победы в борьбе за выгодные концессии, включая строительство новых железных дорог достичь не удалось. Налицо были неготовность и нежелание российского бизнеса вести жесткую конкурентную борьбу, сохранение в российских элитах старых иллюзий относительно Монголии, которая «никуда не денется» от России и передаст контрольные пакеты на выгодных ей условиях и др.

Треугольник Россия – Монголия – Китай активно наполнялся китайским экономическим содержанием при вытеснении на периферию российского присутствия. Трехсторонняя структура постепенно превращалась в китайскую. При этом, «третий сосед» (Запад, Япония, Южн. Корея) пытался ограничить китайское доминирование, выступая конкурентом на ресурсных площадках, но полностью остановить «китайский каток» ему не удалось.

ПУТИ, ПОЯСА И КОРИДОРЫ – НОВАЯ ЖИЗНЬ «ТРЕУГОЛЬНИКА»?

Официальная «презентация» председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г. в Астане (Казахстан) сухопутного Экономического пояса Шелкового пути и в Джакарте (Индонезия) морской версии Шелкового пути, фактически, открыли новую глобальную эпоху «поясов и путей», вобравшую и российско-монгольское пространство. В мае 2015 г. Москвой и Пекином было подписано соглашение о сопряжении между Россией и Китаем, строившееся на желании сторон совместно развивать и осваивать «Большую Евразию». 24 июня 2016 г. в Ташкенте на полях саммита Шанхайской Организации Сотрудничества президентом РФ В.В. Путиным, председателем КНР Си Цзиньпином и президентом Монголии

¹ Таван Толгой – крупнейшее угольное месторождение на юге Монголии

Ц. Элбегдорчжем была подписана «Программа создания экономического коридора Китай – Монголия – Россия». Рамочный документ обозначил сибирско-монгольский вектор на сопряжение Евразийского экономического союза (ЕАЭС), Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) и монгольского Степного пути (СТ), включая реализацию 32 проектов в области транспорта, электроэнергетики, таможенного регулирования и др. [Борисов, Дондоков, Намжилова, 2017, с. 103].

Часть сибирских экспертов считала, что коридор являлся некоей альтернативой китайскому ЭПШП [Бадараев, Винокурова, Литвинова, 2017].

На самом деле трехсторонний проект был изначально просчитан китайцами как один из шести основных коридоров Пояса и Пути. Китайские эксперты рассматривают инфраструктурный «треугольник», как некую новую региональную версию не только освоения евразийского пространства, но и подтягивания Автономного района Внутренней Монголии (АРВМ) и двух соседних провинций Северо-Востока КНР к монголо-сибирским ресурсным территориям [У Юньонг, Ванбин Фэн, 2020]. Со стороны Китая явно просматриваются два субрегиональных варианта/версии дальнейшего развития экономического коридора Россия – Монголия – Китай [Янь чжун мэнь, 2019].

Во-первых, это – «хэйлуцзянская модель», основанная на подключении ресурсов данной провинции к российско-монголо-китайскому треку. На региональном уровне в 2018 г. была разработана специальная программа – «Экономический пояс сухопутно-морского Шелкового пути провинции Хэйлуцзян», рассчитанная до 2025 г. и ориентированная на усиление железнодорожного транзита: Владивосток – Суйфэньхэ – Харбин – Маньчжоули – Транссиб [Ставров, 2017, с. 43, 46].

Во-вторых, это – «цзилиньская модель», созданная в провинции Цзилинь в 2018 г. как «План развития вдоль экономического пояса и пути Китая, Монголии и России (2018–2025 гг.)» [Янь чжун мэнь, 2019]. Данный вариант нацелен на совмещение треугольника Россия – Монголия – Китай с преференциальной зоной реки Туманган, где географически стыкуются Россия, Китай и Северная Корея.

В мае 2017 г. во время визита монгольского премьер-министра Ж. Эрдэнэбата в Китай было согласовано монголо-китайское «сопряжение» между китайской инициативой «Пояса и Пути» и монгольским «Степным Путем». Был подписан 21 документ о монголо-китайской транспортной кооперации. При этом в ходе монголо-китайских переговоров первичное официальное название монгольской инициативы «Степной Путь» было изменено на «Путь Развития» [Грайворонский, 2018, с. 52].

Изменение названия либо имени для китайцев никогда не бывает формальным актом. За этим всегда стоит определенный стратегический смысл. В данном случае, скорее всего, монгольская часть сопряжения встраивается в китайскую долговременную стратегию, все очертания которой пока до конца не видны. Ясно, что китайская редакция обусловлена транзитной и геополитической мотивацией.

В апреле 2019 г. в ходе государственного визита Х. Баттулги в Китай программа сопряжения была расширена и уточнена. В частности, были проработаны варианты 1200 км маршрута от Улан-Батор до порта Тяньцзинь (через Внутреннюю Монголию) и 1400 км от г. Чойбалсан (Восточная Монголия) до порта Далянь (через Внутреннюю Монголию и Маньчжурию) [Ulagran, 2021].

В разгар пандемии в феврале 2020 г. монгольский президент еще раз посетил Китай. Кроме «пандемической повестки» – помощи КНР в предоставлении китайских вакцин и других медицинских услуг – основной вопрос переговоров касался текущей монгольской задолженности Китаю по ранее предоставленным льготным кредитам в рамках реализации программы Один пояс и один путь. Китай пошел навстречу Монголии, и 31 июля

2020 г. стороны продлили кредитное соглашение на три года, что частично спасло ее от неминуемого дефолта, однако проблема задолженности сохранилась. В настоящее время в Монголии реализуется на льготные китайские кредиты 17 различных инфраструктурных проектов [Монгол Улс, 2020].

Монгольская мотивация участия в трехстороннем «коридоре» формируется исходя из двух предположений. Во-первых, из желания монгольских бизнес-элит, связанных с внешней торговлей, использовать возросшие в условиях монголо-китайского сопряжения транзитные возможности. Монголия, как известно, не имеющая выходов к морю, рассчитывает на дополнительные экспортные поступления за счет использования морских портов в Тяньцзине и Даляне [Ulagran, 2021].

Во-вторых, из наметившейся смены акцентов в Монголии относительно китайской угрозы. Если до «эпохи поясов и коридоров» существовал негласный межпартийный консенсус монгольских партий относительно экономического вызова Китая в сфере торговли и инвестиций, то в настоящее время, среди отдельных экспертов и политиков все чаще звучит мысль о том, что формирующаяся трансграничная кооперация, в которой Монголии объективно принадлежит ключевая роль связующей территории, не создает таких системных рисков и угроз от Китая, как его инвестиционное проникновение на стратегические месторождения.

Данный подход отчасти оправдан, поскольку объективно основывается на главном китайском приоритете сегодня – реализации мегапроекта Один пояс и один путь. Китайские власти и бизнес уделяют первостепенное внимание новым трансграничным коридорам, выделяя гигантские деньги на модернизацию и строительство дорог, аэропортов, пограничных переходов, мостов, тоннелей и пр.

С другой стороны, на монгольском участке Китай может спокойно расширить повестку монголо-китайского сопряжения, диверсифицировав ее за счет включения инвестиционных направлений, включая горнодобывающую промышленность, как это уже успешно сделано Пекином на пакистанском, киргизском, таджикском и других пунктах великого «Шелкового похода». Поэтому проблема поиска оптимального и безопасного для Монголии соотношения между угрозами и возможностями китайского участия остается чрезвычайно актуальной и долговременной.

Российская мотивация в рамках нынешнего треугольника также во многом обусловлена транспортно-транзитными интересами, она усилена не только достигнутым в 2015 г. российско-китайским сопряжением, но и складывающейся после 2016 г. спецификой положения России на монгольском инвестиционном рынке. В 2016 г. пакеты российских долей акций (49%) в совместных российско-монгольских предприятиях ГОК «Эрдэнэт» и «Монголросцветмет» были проданы монгольской стороне российской госкорпорацией «Ростех». Причинами этого шага были нерентабельность данных предприятий в связи с низкими мировыми ценами на медь и цветные металлы, влияние монгольских «налогов на сверхприбыль», технические сложности взаимодействия российских акционеров с монгольскими и др.

Фундаментальная причина была связана со сложившейся еще в 1990-е гг. неблагоприятной для России стратегией по экспорту меди, медного концентрата, других минералов, ориентированной исключительно на Китай и другие страны, при которой дальнейшее российское участие не изменило бы данную схему, а только усиливало российско-китайский разрыв в горнодобывающем и других минеральных сегментах.

Ключевой приоритет Россия отдает транспортной и энергетической составляющей, опираясь на совместное российско-монгольское предприятие «Улан-Баторская железная дорога» (УБЖД), где сохраняются равные доли (50/50), и российская сторона не собирается

продавать монголам часть своих акций. Россия активно вкладывается в модернизацию дороги и строительство новых веток, связывающих основную магистраль с угольным месторождением Таван – Толгой.

Приоритетом также становится углеводородный (газовый) транзитный вектор. В декабре 2019 г. состоялся визит тогдашнего премьер-министра Монголии У. Хурэлсуха в Россию, в ходе которого был подписан меморандум о взаимопонимании между монгольским правительством и российской компанией «Газпром», создана совместная рабочая группа, а в январе 2021 г. в Монголии образована совместная компания «Союз Восток» для разработки технико-экономического обоснования (ТЭО) и проведения исследовательских работ по маршруту газопровода Сила Сибири-2, который соединит западную и восточную газотранспортную инфраструктуру России, пройдет через монгольские территории во внутренние районы Китая. В апреле 2021 г. разработка и утверждение ТЭО были завершены и стороны приступили к практической подготовке маршрутов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. КУДА ДВИЖЕТСЯ «ТРЕУГОЛЬНИК»?

После выхода системы Россия – Монголия – Китай в 1991 г. на новый политический уровень российский «полюс» в прежнем его виде, традиционно выступавший в качестве противовеса (в период царской России и Советского Союза в годы советско-китайской конфронтации) политическому и экономическому влиянию Китая, полностью исчез. В новом виде он, оформленный российско-монгольским Договором 1993 г., снизившим отношения с союзнического уровня до «добрососедских», уже де-юре и де-факто не мог и не должен был выполнять свои прежние функции, в том числе в качестве главной сдерживающей Китай силы. Эпоха монгольского «сателлизма», как и времена гигантской и безвозмездной помощи монголам закончилась.

Сформировалась обновленная структура, в которой, появился «четвертый угол» – коллективный Запад во главе с США, официально оформленный в монгольской внешнеполитической концепции в качестве «третьего соседа», который неформально противостоял России и Китаю. Регионализация и вхождение Монголии в глобальные и восточноазиатские экономико-интеграционные проекты, включая мировые финансовые и торговые (ВТО) институты, получение большой донорской помощи и др., объективно усиливали позиции «третьего соседа», но не смогли переломить сформировавшуюся в конце 1990-х – начале 2000-х гг. тенденцию усиления КНР в монгольской республике в частности, и в рамках данного «треугольника» в целом.

К чувствительным моментам относится формирующаяся российско-китайская экономическая асимметрия потенциалов, к сожалению, не в пользу России, которая пока компенсируется высоким политическим уровнем стратегического партнерства и доверия РФ и КНР и отчасти влияет на треугольник. После запуска китайского мега-проекта «Один Пояс и Один Путь» произошло дальнейшее усиление экономического влияния КНР на Монголию, особенно в сфере финансово-кредитных отношений.

Запуск китайской инициативы обусловил создание и оформление российско-монголо-китайского «коридора», включая транспортную и энергетическую (углеводородную) составляющие. Монголо-китайское и российско-монгольское звено сопряжения являются органичной частью общей стратегической (евразийской) политики Китая в рамках «Одного Пояса» при полном сохранении двусторонней российско-монгольской и монголо-китайской специфики.

Россия и Монголия пока объективно не могут идти по пути максимальной экономической либерализации и открытости в отношениях с Китаем. Перспективным выглядит

либерализация российско-монгольских опций, включая формирование между Евразийским Экономическим Союзом (ЕАЭС) и Монголией зоны свободной торговли (ЗСТ), а также своеобразное обновление/расширение «треугольника» за счет интеграции Монголии в Шанхайскую Организацию Сотрудничества (ШОС) в качестве ее постоянного члена.

Подписание 3 сентября 2019 г. в Улан-Баторе президентами В.В. Путиным и Х. Баттулгой Договора о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнерстве между РФ и Монголией политически укрепило треугольник на российско-монгольском и монголо-китайском векторах, усилив общую стратегическую основу. Монгольский участок в плане увеличения экономической доли Китая на монгольских рынках и его влияния в целом, остается «слабым звеном».

В перспективе, учитывая активизацию администрации Д. Байдена (США) на российском и китайском направлениях, теоретически просматривается американский сценарий создания из Монголии на границах РФ и КНР враждебного Москве и Пекину государства. Данный сценарий, на наш взгляд, маловероятен, поскольку монгольская элита (независимо от партийной принадлежности), хотя и готова принять рекомендации и вести диалог с Вашингтоном, но принципиально не готова пойти на подрыв региональной стабильности в треугольнике и демонтаж стратегического партнерства с северным (Россия) и южным (Китай) соседями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Бадараев В.В., Винокурова А.В., Литвинова Т.Н. Создание экономических коридоров «Китай – Монголия – Россия» как альтернатива «Шелковому Пути». 2017 [Badaraev V.V., Vinokurova A.V., Litvinova T.N. Creation of Economic Corridors “China – Mongolia – Russia” as an Alternative to the “Silk Road”. 2017. (in Russian)] https://mgimo.ru/library/publications/sozdanie_ekonomicheskikh_koridorov_kitay_mongoliya_rossiya_kak_alternativa_shelkovomu_puti/ (accessed: 23.03.2021).

Борисов Г.О., Дондоков, З.Б., Намжилова В.О. Экономический коридор Китай – Монголия – Россия: режим ожидания. *ЭКО*. 2017. № 5. С. 103 [Borisov, G.O., Dondokov, Z.B., Namzhirova, V.O. Economic Corridor China – Mongolia – Russia: Standby Mode. *EKO*. 2017. No. 5. P. 103 (in Russian)] <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskii-koridor-kitay-mongoliya-rossiya-rezhim-ozhidaniya/viewer> (accessed: 23.03.2021).

Гольман М.И. Западные авторы об отношениях России и Монголии в XX веке. *Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке*. М.: ИВ РАН, 2001 [Golman M.I. Western Authors on the Relations Between Russia and Mongolia in the 20th Century. *Russia and Mongolia: A New Look at the History of Relations in the 20th Century*. Moscow: IOS RAS, 2001 (in Russian)].

Грайворонский В.В. Китайский мега-проект «Экономический пояс Шелкового пути»: место и роль Монголии. *Восточная аналитика*. 2018. № 3. С. 52 [Graivoronskiy V.V. Chinese Mega-project «The Economic Belt of the Silk Road»: the Place and Role of Mongolia. *Eastern Analytics*. 2018. No. 3. P. 52 (in Russian)] <https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskiy-mega-proekt-ekonomicheskii-poyas-shelkovogo-puti-mesto-i-rol-mongolii> (accessed: 18.03.2021).

Грайворонский В.В. Монголия: светлые перспективы динамичного развития. *РСМД*. 20 января 2014 г. [Grayvoronskiy V. Mongolia: Bright Prospects for Dynamic Development. *RSMD*. January 20, 2014 (in Russian)] <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mongoliyasvetlye-perspektivy-dinamichnogo-razvitiya/> (accessed: 23.03.2021).

Договор о дружбе и взаимопомощи между СССР и МНР. 1966 *Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Сборник документов*. Т. 2. М., 1979. С. 317–322 [Treaty of Friendship and Mutual Assistance between the USSR and the Mongolian People’s Republic. 1966. *Soviet-Mongolian relations. 1921–1974. Collection of Documents*. T.2. M., 1979. Pp. 317–322 (in Russian)].

Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Монголией от 20 января 1993 г. *Дипломатический вестник*. Москва, 1993. № 2. С. 19 [Agreement on Friendly Relations and Cooperation Between the Russian Federation and Mongolia dated January 20, 1993. *Diplomatic Journal*. Moscow. 1993. No. 2. Pp. 19 (in Russian)].

Железняков А.С. *Монгольская цивилизация: история и современность. Теоретическое обоснование атласа*. М.: Весь Мир, 2016 [Zheleznyakov A.S. *Mongolian Civilization: History and Modernity. Theoretical Substantiation of the Atlas*. Moscow: Ves Mir, 2016 (in Russian)].

Ли С. Приоритетные направления китайско-монгольских отношений в начале XXI века. *Международные отношения*. 2020. № 4. С. 6 [Li S. Priority Directions of Sino-Mongolian Relations at the Beginning of the 21st Century. *International Relations*. 2020. No. 4. P. 6 (in Russian)].

Лузянин С.Г. *Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг.* М.: ИДВ РАН, 2003 [Luzyanin S.G. *Russia – Mongolia – China in the First Half of the 20th Century. Political Relations in 1911–1946*. Moscow: Institute of Far Eastern Studies of the RAS, 2003 (in Russian)].

Макаров А.В., Макарова Е.В., Андреев А.Б. Внешнеэкономические отношения Монголии на современном этапе. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2020. № 7. С. 85, 86 [Makarov A.V., Makarova E.V., Andreev A.B. Mongolia's Foreign Economic Relations at the Current Stage of Development. *Russian foreign economic journal*. 2020. No. 7. Pp. 85, 86 (in Russian)].

Родионов В.А. *Россия и Монголия: новая модель отношений в начале XX века*. Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН, 2009. С. 162 [Rodionov V.A. *Russia and Mongolia: a New Model of Relations at the Beginning of the 20th Century*. Ulan-Ude: Buryat scientific center of the Siberian Branch of the RAS, 2009. P. 162 (in Russian)].

Ставров И.В. Экономический коридор Китай – Монголия – Россия в стратегии социально-экономического развития провинции Хэйлунцзян. *Таможенная политика России на Дальнем Востоке*. 2017. № 2(79). С. 46, 48 [Stavrov, I. V. Economic Corridor China – Mongolia – Russia in the Strategy of Socio-economic Development of Heilongjiang Province. *Customs Policy of Russia in the Far East*. 2017. No. 2 (79). Pp. 46, 48(in Russian)].

Телеграмма. А.И. Микоян – И.В. Сталину. 5 февраля 1949 г. *О политике в национальном вопросе. Об объединении внешней и внутренней Монголии* [Telegram. A.I. Mikoyan – I.V. Stalin. February 5, 1949 *About Politics in the National Question. On the Unification of Outer and Inner Mongolia* (in Russian)]. https://nsarchive.gwu.edu/rus/text_files/MikoyanStalin/S-M-100-103.pdf (accessed: 23.03.2021).

Шурубович А.В., Пылин А.Г. Роль России в экономике и внешнеэкономических связях Монголии в современных условиях. *ЭКО*. 2021. № 4. С. 177, 180 [Shurubovich A.V., Pylin A.G. The Role of Russia in the Economy and Foreign Economic Relations of Mongolia in Modern Conditions. *EKO*. 2021. No. 4. Pp. 177, 180 (in Russian)].

Ван Вэйян (王惟旻). Куанчань цзыюань фужао дэ Мэнгу, вэйхэ луньло дао цзиньжи чжэ фань тяньди (矿产资源富饶的蒙古, 为何沦落到今日这番田地) (Ван Вэйян. Почему Монголия, богатая полезными ископаемыми, имеет землю, которая принадлежит ей?) [Wang Weiyang: Why did Mongolia, Rich in Mineral Resources, Fall to the Land it is Today? (in Chinese)]. https://www.guancha.cn/WangWeiYang/2017_10_04_429770_2.shtml (accessed: 05.03.2021).

Даваасух Д., Ценддорж Д. *Хятадын эдийн засгийн Монгол улсад узуулэх нолоолол*. Монголбанк Судалгааны ажил «Товхимол-9». 2019 (Даваасух Д., Ценддорж Д. Влияние экономики Китая на Монголию. Банк Монголии Исследовательская работа «Буклет-9» 2019). [Davaasukh D., Tsenddorj D. Impact of the Chinese Economy on Mongolia. Bank of Mongolia Research Work «Booklet-9» 2019 (in Mongolian)]. <https://www.mongolbank.mn/documents/tovhimol/group9/9-05.pdf> (accessed: 18.03.2021).

Монгол Улс Хятадын өрийн хавханд орох хамгийн өндөр эрсдэлтэй орон 2020 оны 9 сарын 25 (Монголия – страна, наиболее подверженная риску попасть в долговую ловушку Китая. 25 сентября 2020 г.) [Mongolia is the Country Most at Risk of Falling into China's Debt Trap. September 25, 2020 (in Mongolian)]. <http://itoim.mn/article/2ejnM/23685> (accessed: 28.03.2021).

У Юньонг, Ванбин Фэн (吴云勇, 王炳峰). *Чжунъэ цюйюй цзинмао хэцзо мяньлинь дэ цзиюй, цуньцзай дэ вэньти цзи юхуа цзяньи* 2020.08.26. (中俄区域经贸合作面临的机遇、存在的问题及优化建议 2020.08.26). (У Юньонг, Ванбин Фэн. *Возможности, существующие проблемы и предложения по оптимизации китайско-российского регионального торгово-экономического сотрудничества* 2020. 08.26) [Wu Yunyong, Wang Bingfeng. *Opportunities, Existing Problems and Optimization Suggestions for Sino-Russian Regional Economic and Trade Cooperation* 2020. 08.26 (in Chinese)] <http://www.chinaru.info/zhongejmyw/jingmaotegao/61663.shtml> (accessed: 10.04.2021).

Янь чжун мэнь э кайфа кайфан цзинци дайфа чжан гуйхуа (018 нянь – 2025 нянь) 2019. (沿中蒙俄开发开放经济带发展规划 2019. (2018年–2025年)) (План развития экономического пояса и пути Китая, Монголии и России (2018–2025)) [Development Plan along the Development and Opening Economic Belt of China, Mongolia and Russia (2018–2025). 2019 (in Chinese)] http://jldrc.jl.gov.cn/zcfb/zcfg/201907/t20190729_6014824.html (accessed: 10.04.2021).

Campi A. *Mongolia in Northeast Asia – the New Realities. Geopolitical relations between Contemporary Mongolia and Neighboring Asian Countries*. Chinese Culture University, Taiwan, 2004. Pp. 268–287.

Lattimore O. *Nomads and Commissars. Mongolia Revisited*. New York, 1962.

Rupen R. *Mongols of 20th Century*. Mouton: Indiana University Press, 1964.

Ulagpan Y. Belt and Road Initiative: Opportunities and Challenges for Mongolia. *The Asia-Pacific Journal*. 2021. Vol. 19. No. 3 (3). <https://apjif.org/2021/3/Ulagpan.html> (accessed: 10.04.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЛУЗЯНИН Сергей Геннадьевич – доктор исторических наук, профессор Национально-исследовательского университета «Высшая Школа Экономики», Москва, Россия.

Sergey G. LUZYANIN, DSc (History), Professor of the National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia.